

ГОЛОС, КОТОРЫЙ НЕ ПОДДЕЛАТЬ

Амир Сабиров — тот самый случай, когда о поэте можно сказать: рождён этой войной. До так называемой СВО такого стихотворца не существовало.

В отличие от иных русских поэтов, ставших столь важными для страны в эти дни, в эти годы.

Игорь Караулов и Алексей Остудин в нашей поэзии были давно: две-три войны назад они уже писали. И Марию Ватутину мы знаем не первое десятилетие.

Анна Долгарева и Анна Ревякина успели выпустить по несколько поэтических книжек до этой войны. И Александр Пелевин, конечно же, тоже. И Семён Пегов успел дебютировать до.

Сабиров же родился в 2003 году (8 ноября). Когда в Киеве начался Майдан, ему только-только исполнилось 10 лет.

Война шла-шла-шла, а он рос-рос-рос.

Русский татарский мальчик из Омска вырос-лел, и всё это время его дожидались украинские степи.

Отец его — Рамиль Галиахметович — художник и кузнец. Мама — Эльмира Султановна — преподаватель русского языка и литературы.

Амир учился в омской гимназии, некоторое время служил в драматическом Лицейском театре. Поступил на филфак, но, отчислившись, ушёл добровольно на срочную службу, а затем, опять же по собственной воле, отправился в зону СВО по контракту. Воевал в составе разведроты.

После полутора лет в разведке перевёлся в Росгвардию: новое его подразделения — полк специального назначения «Оплот».

Сабиров, конечно же, что-то пытался сочинять ещё до войны. С таким отцом, с такой матерью, служба в театре, читая поэзию в огромных количествах, взрослея, наконец, — как было не попробовать себя?

Пробовал, спотыкался.

Но собственный поэтический голос разом сложился у него в 2022 году. Где-то под Кременной.

Я не знаю, сможет ли впоследствии Амир Сабиров преодолеть влияние и инерцию этой войны и своего раннего сокрушительного опыта. Допускаю, что нет. Но, в сущности, это и неважно. Куда более важно само нешуточное событие: у нас явился настоящий поэт, видевший войну не снаружи, а изнутри. Поместивший в русскую поэзию все её многочисленные приметы.

Он знает военный быт. Он слышал речь своих сослуживцев и своих командиров. (И смог её передать.)

Он перенёс (причём дважды!) все сезоны украинской погоды — и не только на спонтанных базах и в прочих местах временной дислокации, а в блиндажах и окопах. Когда вокруг беспросветная сырость или несусветный холод. И когда жара — тоже.

У него очень много природы, потому что жизнь вывлекла его — на природу, в так часто упоминаемые им лесополосы (т. н. «лесополки») и на городские пустыри (когда город вокруг стремительно обращается в природу, во прах).

Стихи Сабирова на первый взгляд могут показаться как бы спутанными, несколько странными. На самом деле Амир таким экспрессионистским способом достигает удивительного эффекта присутствия, а в конечном итоге точности — недостижимой для тех, кто всё это не прошёл сам.

Да, эти стихи безусловно юношеские (как будто это недостаток!) — но здесь ровно тот случай, когда у нас и не было бы никакого другого способа узнать, что именно ощущает восемнадцатилетний, а затем девятнадцатилетний парень, угодивший на войну, в самые её жернова.

Это — никто не перескажет, не переврав.

Эти стихи — соразмерны человеку и его голосу.

Соразмерность и органичность — то, чего так не хватает нашей поэзии.

Пишущие люди вокруг слишком часто рядятся в одежды не по размеру, не по чину, не по опыту.

А Сабирова одела страна, и он пошёл: в строю, но не только как часть строя (и это его не унижает), а как единственный на весь свет — человек, боец, солдат — с уникальным поэтическим зрением.

В поэзии Сабирова слово равно автору.

Сабиров старательно, на слух, ловит эмоцию, пытаясь дать не только (и не столько) её смысловую суть, сколько её звучание. Отсюда — такое количество удивляющих прилагательных и неожиданных (а порой кажущихся даже абсурдными) сравнений.

Я попросил Сабирова перечислить его любимых поэтов. Он сказал: Жуковский, Пушкин, Мандельштам, Исаковский, Семён Гудзенко, Борис Корнилов, Рильке, Ли Бо, До Фу в переводе Гитовича, Денис Новиков...

Державина (я ждал именно это имя) не назвал.

Но эта сабировская размашистость — когда слова берутся не по одному, а как бы пригоршней — роднит Сабирова именно с Державиным.

(С другой стороны, он мог расслышать Державина через Мандельштама.)

Сабиров не выдаёт себя ни за кого другого (ему более чем достаточно самого себя, своего реального, а не выдуманного креста), не старается выглядеть старше, не мудрствует.

Он почти не пытается понравиться.

Чаще всего это (желание понравиться) просто не волнует его. Он видит смерть. Он хочет жить. И это вам не шутки. Это не слова. Это реальность. Чтобы это осознать, надо дорасти.

Сабиров писал военные свои стихи, вообще не надеясь на их публикацию, и лишь отправлял отцу, чтоб не пропали (вместе с ним самим: всякое случается).

От отца эти стихи и пришли ко мне.

И со мной случилось то самое (вопреки всему происходящему) радостное озарение: ну вот, наконец-то!

Мы должны быть благодарны судьбе, что Амир Сабиров разыскал собственные слова, собственные краски для того, чтоб показать, как там было на самом деле.

Поэтический образ, как известно, может оказаться долговечнее и очерка, и кинематографической документалистики.

В случае Амира Сабирова я уверен: эти стихи останутся. Ни одна честная антология без них не обойдётся.

Мне очень дорог чуть заговаривающийся голос этого уставшего, совсем юного, но по-настоящему сильного и удивительно одарённого человека. Я полюбил этот голос. Он кажется мне родным.

Захар Прилепин

РАЙ ОСИНОВЫЙ

***

Над белой пропастью глухой зимы
найди меня, ни тень не отпуская;
горчит любовь, углём нанесены
исчезнувшие контуры сарая,

полуразбитый дом сопит резьбой,
и постовые мнутя возле окон —
то не стихи, а на крови судьбой
помаран ночи лунной локон.

Я из колодца подниму ведро,
наполненное щепками, извёсткой,
и спрятана луна за дымоход,
безлюдный освещаая перекрёсток.

2023

ПОСЛЕ «ВЫХОДА»

I

Эти люди,
уставшие, голодные,
лежащие со мной в обнимку
без разницы где, штабелями, —
блиндаж,
полуразбитая хата хохлов,
вокруг костра,
или без него
на земле,
чужой, перепаханной минами,
но родной.

Они,
пропитавшиеся грязью,
шутят, шутят,
потом внезапно умирают.
И тишина в хате
после выхода.
Пацаны говорят, как погиб.
Я молчу.
Кто-то накатит
стопарь
за них.

Хочется плакать,
но не могу,
выйду на улицу,
закурю,
закурю,
закурю
и, глядя на вспышки
далекие,
вроде «Града»,
рукавом вытру глаза.

Кто помрёт,
Бог рассудит.
«Тебе делать здесь нечего,
тебе надо жить», —
скажет товарищ,
заставший Чечню.
И живу,
иногда загашусь,
то в подвале,
то в блиндаже,
то застанет при подходе к позициям
«сто двадцатый».

Не хочу умирать,
ладно жить,
целуя крест на браслете,
подаренном тобой.

Из парней тихо очень
кто-то:
— Рота, отбой.
Только нет её,
роты той.

II

Рухлядь невынесенная,
клопы достали;
бегают по спальнику, коже —
хоть не мыши.
Помнишь, проснулся
оттого, что мышь по мне пробежала
в декабре,
в занятом хохляцком блиндаже.
Вылезла из норки.
Потом миномёт
плотно крыл,
и ты осколки
в ладони ловил.

Свеча на столе,
котелок на горелке,
пар изо рта
и от кипятка.

Трассера
в синем небе,
словно созвездье,
как рубиновая река.
Боже,
мир твой,
разорванный,
скрещённый
уздой да молитвой.
Мы — весна,
мы — в деревне у фронта
граниты,
где осколки
посекли имена.

2023